HISTORICAL--ARCHAEOLOGICAL COLLECTION № 13

ГІСТАРЫЧНА--АРХЕАЛАГІЧНЫ ЗБОРНІК

№ 13

МІНСК 1998

СЕДЫХ В. Н. *(Санкт-Петербург)*

КЕРАМИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО ЯРОСЛАВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ IX—XIII ВВ.

(Некоторые итоги и перпективы исследований).

В конце I тыс. н. э. в лесной полосе Восточной Европы происходят значительные изменения, связанные с расселением славян в районах, прежде занятых балтским и финно-угорским населением, а также разложением первобытнообщинного строя, выразившемся в дальнейшем развитии имущественного неравенства и стратиграфии общества, появлении ремесленных и торговых центров на международных путях, совершенствовании пашенного земледелия и отделившегося ремесла. Одним из таких районов было Волго-Окское междуречье, а для ранних этапов колонизации (IX-X вв.) - ещё более ограниченная территория, первоначальное ядро будущей Ростовской земли — Угличское и Ярославское Поволжье, а также районы озёр Неро и Плещеево, где начальная русская летопись размещает финно-угорское племя мерю. Этой территории было суждено сыграть большую роль во многих значительных событиях политической истории Древней Руси, в формировании древнерусской народности и государственности, а затем и великорусской народности. Территория Ярославского Поволжья занимает ключевое положение в этом районе, одновременно являясь наиболее изученной в археологическом отношении. Район Ярославского Поволжья был одним из древнейших, освоенных древнерусским населением в Северной Руси. История его на ранних этапах в письменных источниках почти не отражена, и поэтому большое значение приобретают данные археологии. При этом возрастает роль керамики как исторического источника, несущего информацию о самых различных сторонах материальной и духовной жизни общества.

Основными памятниками микрорегиона интересующего нас времени являются памятники в районе города Ярославля - известные ярославские могильники — Тимеревский, Михайловский, Петровский и открытые поселения рядом с ними, сельские поселения и курганные могильники в районах Углича и Тутаева. В работе также использованы материалы раскопок древних городских центров Ярославского Поволжья.

Керамическое производство Ярославского Поволжья IX-XIII вв. не было предметом специального исследования, хотя в общих исторических построениях керамические материалы отдельных памятников региона активно использовались. В первую очередь это относится к керамике из курганных могильников под Ярославлем (Горюнова, 1961, с. 130—132, 146—148, 194—198; Дубов, 1982; Станкевич, 1941, с. 56—88; Третьяков, 1970, с. 122—142). Общая характеристика керамики могильников содержится в статье В. А. Мальма. (Мальм, 1961, с. 43—50). Лепной керамике крупнейшего из могильников - Тимеревского - посвящена статья Л.И. Смирновой (Смирнова, 1987). Одна из групп керамики могильников - чашевидные сосуды - была исследована Н. А. Макаровым в связи с находками аналогичной посуды в Белозерье (Макаров, 1983). Отсутствие специальных работ, посвящённых керамическому производству на территории Ярославского Поволжья в период раннего средневековья, стимулирует попытку реконструкции данного вида ремесленной деятельности с учётом новых материалов и достижений в исследовании керамического производства этого времени.

В результате проведённого исследования материалов раннесредневековых памятников Ярославского Поволжья реконструированы этапы развития керамического производства, охарактеризованы общие тенденции этого развития и локальные особенности, создана типохронологическая колонка керамических изделий региона, которая в сопоставлении с результатами исследований других категорий источников (письменные, лингвистические, этнографические) даёт возможность, в конечном счёте, ближе подойти к реконструкции исторических процессов, протекавших в районе в период раннего средневековья.

Территориально наши исследования ограничиваются современными административными рамками Ярославской области. В историко-административном плане эти районы соответствуют территории Ростовской земли. Хронологические рамки исследования определяются, с одной стороны, временем проникновения славян на территорию будущей Ростовской земли и началом включения её в состав Древнерусского государства (IX в.), с другой - временем становления зрелого феодализма и связанного с этим прогрессом во всём укладе хозяйства в целом и в ремесленном производстве в частности. Поскольку главной отраслью средневекового ремесла было гончарство, то на примере последнего можно рассматривать процесс становления ремесла в указанный период на данной территории.

Керамические изделия Ярославского Поволжья IX—XIII вв. представлены большим количеством разнообразных по формам и назначению предметов. Из глины изготовлялись предметы хозяйственного и производственного назначения — посуда, пряслица, тигли, льячки, различные грузила, а также культовые предметы — лапы, кольца, предметы неизвестного назначения.

Подавляющее большинство керамических изделий составляет посуда. Ассортимент её весьма разнообразен. Большая часть сосудов определённо различается по форме, размерам, пропорциям, технике изготовления и орнаментации. Характеристике глиняной посуды памятников Ярославского Поволжья посвящены специальные работы (Седых, 1982а, с. 111—117; 1982б, с. 192—197; 1985,с. 66—78; 1988). В ряде публикаций рассмотрены другие категории находок из глины (Дубов, 1984, с. 94-100; Дубов, Седых, 1984, с. 111—118; Седых, 1995, с. 55—72^ Фехнер, 1963а, с. 86—89)

Керамический материал немногочисленных

памятников Ярославского Поволжья середины - второй

половины I тыс. н.э. (гладкостенная посуда без орнамента или с насечками по краю, а также чернолощёная, в частности, остроребёрных форм, сковородки) находит многочисленные аналогии в поздних слоях дьяковских городищ западной части Волго-Окского междуречья второй половины I тыс. н. э., население которых было смешанным балто-финно-угорским (Розенфельдт, 1974, с. 118, рис. 12; с. 184-185, рис.43; с. 189-197; 1980, с. 53).

Вся керамика Ярославского Поволжья эпохи раннего средневековья по способу изготовления делится на два отдела: лепная и круговая или гончарная. Лепная керамика делится по составу теста на пять больших групп. В качестве основного отощителя в глину примешивали дресву. Из других отощителей следует назвать песок, шамот, толчёные раковины и органические включения. Лепная керамика сформована в технике кольцевого налепа. Большая часть сосудов изготовлена, вероятно, на примитивной поворотной подставке. Начин, как это хорошо фиксируется на обломках сосудов, конструировался способом спирального налепа (по А. А. Бобринскому). Техника изготовления округлодонных чаш остаётся неясной до конца. Миниатюрные сосудики лепились «вытягиванием» изделий из одного куска глины. Другие категории изделий из глины (тигли, грузила и т. п.) также сформированы от руки. Лепные сосуды обжигались в кострах или открытых очагах. Круговая керамика по составу теста разделяется на четыре большие группы. Отощители - мелкая дресва и песок. Начины круговой посуды формировались двумя способами: спирального налепа и лоскутного налепа (спиралевидный вариант по А. А. Бобринскому). Тулово круговых сосудов наращивалось спирально-ленточным способом. Формировалась круговая керамика, очевидно, с помощью примитивного гончарного круга - «поворотного столика» и ручного круга со сборным диском. Зафиксирован костровой, печной и горновой обжиг рассматриваемой круговой керамики. Вероятно, остатки обычной бытовой печи, которая, однако, могла использоваться для обжига керамических изделий, была вскрыта в 1987 году на Тимеревском поселении. Датируется печь X столетием.

Кладка печи оказалась «зажатой» между двумя погребениями могильника. В основании печи исследованы остатки погребения по обряду трупосожжения на стороне с инвентарём - в материковой ямке вместе с кальцинированными костями обнаружены обломки костяного орнаментированного гребня и мелкие фрагменты тонкой бронзовой пластинки. При зачистке верхнего уровня обожжённой глины, вероятно, остатков свода, было зафиксировано могильное пятно, частично прорезавшее всю глину. Погребена была женщина, головой на запад, при ней найдены железные нож, калачевидное кресало, стержень с кольцом, две бусины у черепа - западноевропейский денарий, чеканенный Оттоном III и Адельгейдой в конце X — начале XI вв. (определение В.М. Потина).

Среди лепной керамики выделены сосуды пяти форм: горшки, чашевидные сосуды, миниатюрные сосудики, кувшины и сковородки (Седых, 1982б, с. 192-197, 246, рис. 49; 1985, с. 69, рис. 1). Грубая круговая керамика также представлена сосудами пяти форм: горшки, миски, кувшины, пифосы и амфоры (Седых, 1982б, с. 247, рис. 50). К парадной круговой керамике, получившей, в отличие от грубой круговой, дополнительную обработку поверхности лощением, ангобированием или глазурованием, отнесены немногочисленные фрагменты сосудов двух форм: кувшинов и миниатюрного сосудика в виде чаши (Седых, 1982б, с. 196).

Кроме чашевидных сосудов, имеющих богатую орнаментацию, остальные сосуды украшены весьма скромно - насечки по венчику, пальцевые вдавления, сгруппированные по три или пять отпечатков штампа, иногда в сочетании с оттисками верёвочки и др. В общей сложности учтено около 4% фрагментов лепных сосудов, сохранивших элементы орнаментированного декора. Типологически определимых меньше. Среди грубой круговой керамики, определённой типологически, орнаментация составляет не более 30% от всей керамики. Орнаментировалась, в основном, верхняя часть сосудов.

Знаки на посуде Ярославского Поволжья крайне редки. Налеп в виде креста на тулове встречен один раз (курган № 430 Тимеревского могильника). Прочерченные знаки в виде птичьей лапки зафиксированы в материалах раскопок Тимеревского поселения и г. Ярославля. В небольшом количестве встречены гончарные клейма (Седых, 1982б, с. 196, 247, рис. 50).

Значительное число лепных сосудов может быть атрибутировано как составная часть набора кухонной утвари. Сюда должны быть отнесены и грубые круговые горшки среднего размера (диаметр венчика до 24 см), а также, вероятно, часть мисок-крышек. Чашевидные сосуды, круговые миски, парадная круговая посуда, кувшины и миниатюрные сосудики, без сомнения, являлись составной часть набора столовой посуды. Крупные сосуды, на которых не зафиксированы следы нагара, пифосы и амфоры, очевидно, использовались в качестве ёмкостей для хранения и транспортировки. В погребениях встречена посуда как изготовленная специально для похоронного ритуала, так и употреблявшаяся прежде в быту.

Период раннего средневековья - это время образования Древнерусского государства, которое способствовало резкому изменению этнической карты на севере Восточной Европы и вовлечению в его орбиту новых территорий. В конце I тыс. н. э. в различных пунктах складывающегося государства появляются комплексы с разнокультурными элементами. При рассмотрении таких комплексов решающее значение принадлежит керамике.

За основу типологической классификации глиняной посуды памятников Ярославского Поволжья IX - первой половины XI вв. взята классификация

керамики Тимерязевского поселения как наиболее изученного в археологическом отношении памятника этого времени. Время бытования керамических форм и типов определяется по ве!евому инвентарю комплексов, в первую очередь по находкам в них монет, бус, гребней, украшений, предметов вооружения и др. Древнейшие типы лепной посуды датируются IX (не позднее середины) - X столетиями и имеют аналогии в памятниках Северо-Запада, Смоленского Поднепровья и Полоцкого Подвинья, Поволжья, Камско-Вычегодского района, а также Скандинавии, т. е. в тех районах, население которых приняло участие в освоении Ярославского Поволжья на ранних этапах и в сложении древнерусского населения этого региона в IX—XI вв. (Седых, 1982а, с. 115—117; 1982б, с. 196—197; 1985, с. 68—73).

Круговая керамика на поселениях Ярославского Поволжья появляется в комплексах середины X в., причём образцов предкруговой и примитивнокруговой практически нет. Круговая посуда находит аналогии в слоях Новгорода X—XI вв. и на многих древнерусских памятниках (Воронин, 1949, с. 235, рис. 30:2; 1959. с. 78, рис. 3; Голубева, 1973, с. 162, рис. 58, IV; Исланова, 1982, с. 188, рис. 3:9; Каменецкая, 19776, с. 3—13; Малевская, 1971, с. 30, рис. 6,12-15 и др.; Розенфельдт, 1968, с. 9; Рябинин, 1985, с. 36, рис. 9, 1—3; Седова, 1978, с. 90, рис. 33; Седых, 1982б, с. 197). Среди круговой керамики этого времени представлены импорт - амфоры, булгарская посуда (кувшины, миски), возможно, салтовская (Генинг, Халиков, 1964, с. 76, рис. 20: с. 166, рис. 26; Голубева, 1969, с. 40—53;Исланова, 1982, с. 194,188, рис.3:10—13;Кочкина, 1986, с. 115—117, рис. 2-4; Седых, 19826, с. 196; Хлебникова, 1988, с. 54-64, рис. 34-38; Якобсон, 1951, с. 333, рис. 6).

Как и при рассмотрении керамики поселений за основу классификации керамики погребальных комплексов региона IX - первой половины XI вв. принята классификация керамики древнейшего из ярославских могильников - Тимеревского, исследования которого продолжаются по сей день. Время бытования керамических форм и выделенных типов определяется по вещевому инвентарю в более узких пределах (до полустолетия), нежели при датировке комплексов поселений. Местоположение сосудов в погребениях самое различное. Древнейшие типы лепной посуды могильников очерчивают тот же круг аналогий, что и материалы поселений. Сходство форм и пропорций посуды, отмеченной в качестве аналогий, подкреплено многочисленными деталями погребального обряда на исходных территориях (различные каменные и деревянные конструкции, урновый обряд, в том числе обычай переворачивать урну или накрывать ею другую, кремации и ингумации в деревянных камерах и т. п.), а также инвентарем, имеющим происхождение с этих же территорий. В комплексах могильника обнаружены лепные сосуды редких форм (См.: Смирнова, 1987, с. 97, рис. 5:5,11, 12, 17), которые в силу своей малочисленности и специфичности не вошли ни в один из выделенных типов. Дальнейшее накопление керамического материала, без сомнений, позволит полнее учесть имеющийся материал, дополнить предложенную типологию лепной керамики.

Свойственный погребальной обрядности консерватизм сказался и в том, что после появления на территории Ярославского Поволжья круговой керамики лепная посуда продолжала помещаться в инвентарь погребений X-XI вв. и даже позже. Можно предположить, что круговая керамика в это время выполняла несколько иную функцию, нежели лепная, так как находки целых круговых сосудов единичны, а фрагменты их располагались в основном в насыпи или непосредственно под дёрном и реже на кострище или рядом с костяком. Круговая керамика составляет около 12% всего керамического материала Тимеревского могильника. В других ярославских могильниках этот процент не ниже - в Петровском 4,25%, в Михайловском - 0,9%. Как и на поселениях, в материалах погребений известны находки посуды неместного производства (кувшины, миски, амфоры) (Мальм, 1963, с. 49, рис. 28; Станкевич, 1941, с. 72, рис. 7; Фехнер, 1963б, с. 23, рис. 12). Как уже отмечалось выше, появление круговой керамики в Ярославском Поволжье следует отнести к первой половине X столетия, хоты «... 35 обломков кругового (? - В. С.) сосуда с линейным орнаментом» были обнаружены в комплексе конца IX - начала X вв. кургана № 123 (Мальм, 1963, с. 49). Прочие же захоронения с находками круговой керамики датируются серединой X в. и позднее. Сомнения относительно датировки первой круговой посуды на территории Ярославского Поволжья концом IX - началом X вв. вызваны в первую очередь тем, что на территории Северной Руси круг появляется в 20 - 30-е годы X столетия — в Старой Ладоге (Рябинин, 1985, с. 37), Гнёздове (Каменецкая. 1977а, с. 15) и других центрах. Однако точка зрения В. А. Мальм на этот счёт не единственная. Эту же дату для памятников Смоленщины предлагает В. В. Седов (Седов, 1960, с. 15). На других памятниках Северо-Восточной Руси круговая керамика появляется в течение X столетия: в середине X века — в Суздале (Воронин, 1936, л. 6), в X веке — в Белоозере (Голубева, 1973, с. 145), на памятниках близ Ростова Великого - в конце X — начале XI века (Исланова, 1982, с. 195). Находки привозной круговой керамики в комплексах этого времени, очевидно, не являются показателями былых дальних связей, а отражают внутренние потребности населения Ярославского Поволжья этого периода.

Таким образом, в результате проведённого сопоставления выделенных типов лепной и круговой посуды с хронологической шкалой ярославских могильников и с учётом хронологии керамики поселений было выяснено время бытования основных типов керамики Ярославского Поволжья в IX—X вв. и в последующее время (рис. 1—2), а также количественное соотношение находок основных типов

лепной керамики на поселении и в могильнике крупнейшего из археологических комплексов под Ярославлем - Тимеревского (рис. 3), Все основные типы сосудов бытуют в X столетии, а наиболее древними являются горшки типов 1, 2, 3, 6, 8, 9, чашевидные сосуды и сковородки, причём горшки типов 2, 6 и 8 доживают до XI века и находятся в обиходе много позже. Некоторые типы керамики представлены на поселении и в могильнике примерно в равной степени (типы 2, 3, 5 и 8), в то время как сосуды типа 9 и чашевидные, связанные, по нашему мнению, со скандинавскими и прикамскими соответственно этническими компонентами в составе населения Тимеревского торгово-ремесленного поселения, «осели» в погребениях в значительно большем числе. В этой связи необходимо отметить все факты со встречаемости сосудов типа 9 и 3 (например, курганы №№ 224, 264, 323 и др.), ибо последние являются активной составной частью керамического набора западных финнов (группа AIV:2 по классификации Д. Селлинг (Selling, 1955, s. 68—84), время бытования керамики этого типа — 800—1000 гг.).

В комплексах поселений и могильников ясно прослеживается высокая степень смешанности населения, оставившего их. Преобладающим, очевидно, являлось финно-угорское население, как местное, поволжское, так и пришлое с северо-запада и районов Камско-Вычегодского бассейна. Заметно присутствие на раннесредневековых памятниках Ярославского Поволжья и выходцев из Фенноскандии, принесших сюда свою погребальную обрядность (Голубева, 1981, с. 87—98; Недошивина, Фехнер, 1985, с. 101—115), посуду (сосуды, объединённые в тип 9 (оба варианта), составляют группу местной керамики (einhtimische Keramik) на территории Швеции) и некоторые другие категории изделий из глины (см. ниже). О присутствии собственно славян на основании керамического материала можно говорить лишь начиная с середины - второй половины X столетия

К концу X века на смену Волжскому пути, во многом игравшему роль торговой артерии, приходит Днепровский военно-административный путь расселения славян в лесной зоне (Лебедев, 1975, с. 37—43). В конце X — начале XI вв. начинается массовая крестьянская колонизация края, которая сопровождалась коренной сменой обряда погребения в ярославских могильниках и постепенным их угасанием. На смену Тимеревскому поселению как торгово-ремесленному центру и опорному пункту продвижения в земли финно-угров приходит город Ярославль - центр феодализации края и княжеской власти.

Рассматривая керамическое производство этого периода, необходимо, хотя бы кратко, остановиться на других категориях изделий из глины. Они представлены на памятниках дисками от ткацкого станка, имитациями звериных лап и тесно с ними связанными кольцами, пряслицами, тиглями, льячками и другими предметами, назначение которых порой не всегда удаётся установить.

Диски (грузила) от ткацкого станка обнаружены лишь в одном пункте Ярославского Поволжья - Тимереве. Одна находка происходит из комплекса кургана № 297 (ингумация в камерной гробнице) (Дубов, Седых, 1992, с. 115—123) и более 70 экземпляров из культурного слоя поселения. Часть дисков орнаментирована, причём во всех случаях орнамент был нанесён лишь с одной стороны поверхности изделия (Дубов, Седых, 1984. с. 112). Диски, очевидно, имели многоцелевое назначение, однако их сугубо производственное назначение подтверждается тем, что диски крайне редко встречаются в погребениях. Сообщение Ю. И. Штакельберга о находке диска в кургане Шестовицкого могильника является неверным (Штакельберг, 1962, с. 113, ссылка 11). В действительности диск был обнаружен при раскопках на городище в жилище № 1 (Станкевич, 1962, с. 10, 12). Станкевич Я. В., как и Дрейер М., считала диски частью светильников. Комплексы с дисками датируются IX-X столетиями. Проведённый анализ этой категории находок показал, что в Скандинавии и на территории Северной и Северо-Восточной Руси диски бытуют в это же время. (Дубов, Седых, 1984, с. 116). Важные наблюдения позволяет сделать картирование находок дисков в пределах Древней Руси (Седых, 1995, с. 61, рис. 1) - все они обнаружены на памятниках, где среди прочих явственно проступает скандинавский этнический компонент, причём связь их с последним очевидна (Белецкий, 1980, с. 15; Дубов, Седых, 1984, с. 116, ссылка 10; Макаров, 1986, с. 181; Носов, 1990, с. 110, 162.;Седова, 1980, с. 75; Уртанс, 1971, с. 41).

Глиняные лапы и кольца являются одной из наиболее многочисленных категорий погребального инвентаря ярославских могильников. В настоящее время лапы и кольца найдены в 89 курганах, причём число их, очевидно, будет увеличиваться (так лапы и кольца обнаружены в процессе раскопок Тимеревского некрополя в 1986—1987 гг.). Подавляющее их число дошло до нас его фрагментарном виде. Вполне вероятно, что количество лап и колец в действительности было много больше. Они могли не сохранить своей формы во влажной песчаной почве, будучи плохо или вообще необожжёнными, или быть незамечены в процессе раскопок погребений по обряду кремации, когда на кострище находятся фрагменты глины, составляющие насыпь, специальные площадки из обожжённой глины и т. п. Высказанное предположение относится не только к территории Ярославского Поволжья. Несомненен их магический характер. В погребениях лапы и кольца занимали определённое место: всегда лежали на кострище, чаще среди кальцинированных костей, собранных в груду, а иногда - в погребальной урне или в грунтовой яме. В целом комплексы с лапами и кольцами датируются концом IX—X столетия. Тщательный анализ комплексов с лапами из могильников на Аландских островах и в Ярославском Поволжье позволяют утверждать, что состав их аналогичен. Кроме того, в

комплексах Ярославского Поволжья найдены лапы специфически аландской (по Э. Кивикоски) формы (Макаров, 1984, с. 305). Новые находки подтверждают наличие сильной связи лап и колец с предметами погребального инвентаря (в том числе с предметами культа, например, железным обручем с миниатюрным молоточком Тора - в кургане № 474 Тимеревского могильника) и деталями погребальной обрядности (например, каменное кольцо в кургане № 209) скандинавского происхождения (Фехнер, Недошивина, 1987, с. 87). Находки лап в Шестовицах, что особенно важно, в Старице, отчасти закрывают лакуну между двумя рассматриваемыми территориями (Седых, 1995, с. 66). Керамика, происходящая из комплексов с лапами Ярославского Поволжья, имеет аналогии на Аландских островах, в Швеции, на северо-западе Древней Руси в целом. Наконец, косвенно на территорию племён (по направлению), откуда распространялись лапы, указывает топонимика памятников с находками лап - Веськово (около оз. Плещеева) и Весь (бассейн р. Нерль Клязьминская) (Седых, 1995, с. 66). Таким образом, на наш взгляд, имеются основания для предположения о прямом проникновении лап с Аландских островов в период активных и тесных связей Ярославского Поволжья с Фенноскандией, тем более, что наличие выходцев с Аландских островов зафиксировано в материалах погребений совершенно определённо (Фехнер, Недошивина, 1987, с. 87). Глиняные лапы, являвшиеся отражением культа медведя жителей Аландских островов, были восприняты населением Ярославского Поволжья (шире - Волго-Клязьминского междуречья), имевшим, очевидно, сходные представления о культе этого животного, и, в свою очередь, были дополнены местным элементом - глиняным кольцом, символизирующим, вероятно, подношение медведю (Воронин, 1941, с. 166).

Пряслица представлены значительным числом находок на поселениях и в погребениях региона. Различаются пряслица, сформированные из глины (1-я группа) и пряслица, выточенные из стенок керамической посуды, вышедшей из употребления 92-я группа). Незначительная часть пряслиц (около 8%) орнаментирована. Уникальным является пряслице, обнаруженное на Тимеревском поселении. Оно сформировано из плотного, тонко отмученного теста, а одна сторона его покрыта зелёной поливой. В целом, комплексы с находками пряслиц обеих групп датируются X — началом XI вв.(Седых, 1995, с. 67—69).

Льячки и тигли встречены практически на всех памятниках Ярославского Поволжья указанного времени. Часть льячек на рукоятке имеет точечный орнамент. Комплексы с льячками и тиглями суммарно датируются IX—XI вв.(Седых, 1995, с. 69—70).

К ритуальным относится глиняный предмет, обнаруженный в кургане № 216 (раскопки 1961 г.) Михайловского могильника (Недошивина, 1963, с. 31, рис. 17:7). Поскольку вместе с ним было найдено глиняное кольцо, то можно предположить, что этот предмет, как и обрядовое печенье, возможно, и глиняное кольцо, служил в качестве символического подношения при перемещении покойника в иной мир. Из находок, происходящих с Тимеревского поселения, к предметам неопределённого назначения следует отнести «катушку», орнаментированную насечками (происходит из комплекса постройки мастерской № 52 раскопок 1976 г.), «рогатый кирпич», возможно, являющийся частью специально оборудованного очага или печи (постройка№ 1 раскопки 1985 г.), «утюжок», очевидно, предмет для заглаживания поверхности (из комплекса постройки № 38 раскопки 1976 г.) и др. (Седых, 1995, с. 70—71). Описанные предметы немногочисленны, однако показывают разнообразие изделий из глины и характеризует ещё одну сторону керамического производства Ярославского Поволжья IX—XI вв.

Вторая половина XI — первая половина XIII вв. - время массовой, так называемой княжеской колонизации Северо-Восточной Руси, более интенсивной, нежели в предшествующий период (Горюнова, 1961, с. 205; 1965, с. 11—18). Теперь осуществляется планомерное переселение, в основном, славянского населения на территории, занятые прежде местным финно-угорским населением, испытавшим, однако, уже влияние пришлого населения. Как и в других регионах Северо-Восточной Руси, например, в Ростово-Суздальской земле (Леонтьев, Рябинин, 1980, с. 78), изменяется демографическая ситуация в Ярославском Поволжье. Об этом свидетельствуют поселения и курганные могильники, появившиеся в указанный период на рассматриваемой территории (Дубов, 1985. с. 34—50; Успенская, Фехнер, 1956, с. 139—251). Появляются городские центры. В это же время происходит смена погребального ритуала в могильниках под Ярославлем и их постепенное угасание.

Ассортимент керамических изделий второй половины XI - первой половины XIII вв. не столь разнообразен, нежели в предшествующий период. В это время исчезают из употребления вертикальный ткацкий станок и диски-грузила от него (Дубов, Седых, 1984, с. 111—118), уступая место более совершенному и производительному горизонтальному; из инвентаря погребений - глиняные лапы и кольца (Седых, 1995, с. 60—67). Получают широкое распространение в городах и близлежащих сёлах, вытесняя глиняные, пряслица из волынского шифера. По-прежнему подавляющее большинство изделий из глины составляет посуда. Здесь, однако, следует отметить, что часть посуды, в первую очередь столовой (чашки, блюда и пр.), изготовлялась из дерева (Левашова, 1959, с. 77). Находки деревянных сосудов известны в курганах Смоленской, Московской и Владимирской областей (Левашова, 1959, с. 81), а также Ярославском Поволжье (Фехнер. Недошивина, 1987, с. 74—75). В небольшом числе использовалась и дорогая металлическая посуда (Фехнер, Недошивина, 1987, с. 75). Кроме глиняной посуды, из других категорий керамических изделий в небольшом количестве встречены пряслица, грузила от рыболовных сетей,

льячки и тигли.

На памятниках второй половины XI - первой половины XIII вв. по-прежнему встречается посуда, вылепленая от руки (Седых, 1985, с. 72). В материалах поселений этого времени она составляет от 2 до 20%. Сформована она в целом из теста лучшего качества, нежели в предшествующи период, поверхность заглажена более тщательно. Обжиг равномернее, однако по-прежнему недостаточный. Необходимо отметить практически полное отсутствие какого-либо орнамента на лепной посуде этого времени. Материалы поселений датируются суммарно XI—XIII вв. Немногочисленные типологически определимые фрагменты лепной керамики в целом сопоставимы с лепной керамикой Тимеревского комплекса. Это же можно сказать о материалах из раскопок в Ярославле

Круговая керамика составляет от 80 до 97-98% от общего числа керамических находок. На поселениях материалы представлены, в основном, горшками типа 1 (в вариантах). Орнамент — в виде горизонтальных линий и волны (последний преобладает). Сочетания указанных видов орнамента чрезвычайно редки, что является характерным для гончарной посуды всех рассматриваемых поселений Ярославского Поволжья (Фехнер, 1957, с. 190). Материалы раскопок в Ярославле дают круговые горшки, пифосы, амфоры. Орнамент на горшках несколько разнообразнее, но по-прежнему преобладает линейный и волнистый. Клейма редки. Аналогии посуде известны во многих древнерусских городах.

Если на поселениях этого времени керамические остатки являются массовым материалом, то в комплексах погребений картина не однозначна. Значительная часть погребений Ярославского Поволжья не имеет инвентаря, в том числе и керамики. В этом, вероятно, следует усматривать исчезновение обычая помещать керамику в погребениях, зафиксированное при переходе к обряду ингумации на широких территориях, в том числе и в Северо-Восточной Руси (Никольская, 1949, с. 35; Седов, 1971, с. 88; Рябинин, 1979, с. 232). Это, очевидно, свидетельствует о значительных изменениях в области идеологических представлений, которые фиксируются и реконструируются нами по материалам погребального обряда. В свою очередь, в погребальном обряде, как в элементе идеологической системы, нашли отражение изменения, происшедшие в социально-экономической области. Возможно, что изменения эти связаны с внедрением христианской религии.

Появившаяся не позднее середины X столетия круговая керамика не смогла вытеснить лепную и в рассматриваемый период, на что указывают комплексы погребений XI—XIII вв. с лепной керамикой в инвентаре в могильниках Евчаково, зубаревском, а также Грехов ручей близ Углича. Керамика эта непосредственно связана с лепной посудой предшествующего времени в отношении технологии изготовления и форм. Орнамент отсутствует (Горюнова, 1954, с. 153—163; Мальм, 1960, с. 167-174; Тихомиров, 1929, л. 4-29). Круговая посуда представлена в погребениях, в основном, в обломках. Целые сосуды приземистых пропорций (влияние финно-угорской традиции) обнаружены в могильнике около г. Тутаева. Они украшены зубчатым орнаментом, характерным, по мнению исследователей, главным образом, для памятников района г. Рыбинска (Никольская, 1949. с. 40; Третьяков, 1935, с. 107). Другие формы сосудов и категорий изделий из глины этого времени представлены небольшим числом находок и скудным ассортиментом, что. Однако, объясняется скорее малой исследованностью памятников этого времени, чем значением глиняных изделий в жизни людей того времени. Это грузила для рыболовных сетей различной формы, пряслица и тигли. Остальные категории изделий из глины, известные по раскопкам в других областях Древней Руси (различные светильники, формы, игрушки и пр.), без сомнения, будут обнаружены на территории Ярославского Поволжья в ходе дальнейших полевых исследований и дополнят информацию о керамическом производстве региона изучаемого периода. Рассмотренные керамические материалы поселений и могильников второй половины XI - первой половины XIII вв. находят аналогии в отношении форм, технологии производства и ассортимента на многих памятниках как Северо-Востока, так и всей Древней Руси в целом (Воронин, 1959, с. 78, рис. 3:24-29; Каменецкая, 1977б, с. 3—13; Седова, 1978, с. 90, рис. 33; Смирнова, 1956, с. 228—231; Розенфельдт, 1968, с.79, табл. 1:9; с. 81, табл. 1: 1,2).

Подведем некоторые итоги. Уже применительно к дославянскому времени территория Ярославского Поволжья рассматривается как контактная зона между двумя этническими массивами - смешанным балто-финно-угорским на западе и финно-угорским на востоке. При изучении керамического производства этого времени наблюдается ряд общих существенных моментов, касающихся, в первую очередь, технологии производства, сближающих его с восточноевропейским конца I тыс. н. э. в целом: преобладание ручной лепки, использование дресвы и шамота в качестве отощителей, заглаживание поверхности, неравномерный, сравнительно слабый обжиг. Отличия касаются ассортимента и пропорций посуды. Рассмотрение керамических материалов памятников IX—X вв. региона, показывает, что возникли последние на необжитых до того местах и не связаны напрямую с памятниками предшествующего времени. Различия в керамическом производстве прежде всего касаются технологии изготовления посуды, а именно состава формовочной массы, а также формы и пропорций сосудов.

Летопись помещает на сопредельным с ярославским течением Волги территориях племена кривичей (на верхней Волге, весь (на Белом озере) и мерю (в районах озёр Неро и Плещеева). Ярославское Поволжье является, таким образом, своеобразной контактной зоной смешанной культуры. Недаром так

долго ведутся споры о том, кому принадлежат памятники эпохи раннего средневековья под Ярославлем. Керамический материал раннего этапа освоения территории Ярославского Поволжья отчётливо указывает на наличие двух больших этнических пластов: пришлого и местного, финно-угорского. Область расселения мери была шире очерченной летописью. Кроме того, в этот период меря выступает, очевидно, в качестве племенного образования с высоким уровнем социальной и военной организации, объединявшего родственные финно-угорские племена Поволжья, уже испытавшего на себе влияние пришлого, смешанного в этническом отношении населения. И взаимодействие это началось достаточно рано — в IX веке. Финно-угорское население было сложным по составу. По существу мы имеем перечень разрозненных элементов материальной культуры финно-угорского происхождения, не дающей возможности соотнести их, с конкретной финно-угорской группировкой. Второй этнический пласт - пришлое население с Севера-Запада, из Скандинавии, земель смоленско-полоцких кривичей, пермское население Прикамья и Камско-Вычегодского бассейна. Движение с Севро-Запада, видимо, осуществлялось не из центральных, коренных земель словен новгородских, а из северных и северо-восточных окраин, и прежде всего из Ладоги (Седых, 1985, с. 73). В керамическом комплексе практически полностью отсутствуют ребристые сосуды и лепная керамика с линейно-волнистым орнаментом. Антропологический материал также указывает на родство древнего населения Ярославского Поволжья с населением окраинных районов Новгородской земли (Седов, 1966, с. 250). В составе населения, направлявшегося с Северо-Запада, были новгородские словене, кривичи, вероятно, переселившиеся на Северо-Запад с территории Поднепровья (Давидан, Мачинская, Мачинский, 1985, с. 57—58; Мачинский, Мачинская, 1988, с. 49—51), западные финны - весь, а также скандинавы. Путь последних отмечен скандинавскими вещами IX века в основных пунктах волжско-Балтийского пути, бывших одновременно и опорными пунктами этого продвижения: Ладога, юго-восточное Приладожье и Ярославское Поволжье. Сейчас можно говорить ещё об одном направлении движения: от Ладоги с выходом на Белоозеро и затем по Шексне в Ярославское Поволжье (Макаров, 1986, с. 180—182). Керамический материал полностью подтверждает это. На это же указывают данные лингвистики (Герд и др., 1985, с. 35-36). Присутствие скандинавов в Ярославском Поволжье отразилось в погребальном обряде, инвентаре, керамическом комплексе могильников и поселений, а также на монетах из Тимеревского клада IX века. С появлением выходцев из Фенноскандии расширяется ассортимент глиняных изделий - появляются диски от вертикального ткацкого станка и предметы культа - глиняные лапы. Появление урнового обряда и определённых форм керамики в Ярославском Поволжье в IX—X вв. указывает на движение на Волгу из районов Смоленского Поднепровья. Об этом же свидетельствуют, очевидно, некоторые насыпи ярославских могильников с плоской вершиной (Седых, 1996, с. 46). Факт появления в середине X в. Сосудов с округло-уплощенным дном свидетельствует о притоке населения из более восточных районов, принесшего свою технологию изготовления посуды, своеобразные формы и орнаментацию. Путь их в ярославское Поволжье лежал, вероятнее всего, через Белоозеро. Вовлечение части населения Прикамья в орбиту трансевропейской торговли, возможно, следует объяснить использованием «камского» отрезка пути с последующим выходом на Сухоно-Вычегодский путь к Приладожью в периоды военно-политической нестабильности в северной части Волжского пути, о чём говорят многочисленные клады восточного серебра конца VIII—X вв.(Носов, 1975, с. 95—110).

Сложный этнический состав древнего населения памятников, каким было Тимерево, объясняется тем, что оно являлось торгово-ремесленным поселением, возникшим на определённом этапе развития общественных отношений, на пути, соединившим страны Северной и Западной Европы со странами Исламского Востока. Сосредоточение полиэтничного населения в таких пунктах способствовало обмену опытом и достижениями в различных отраслях производства (Лебедев, 1985, с. 258—259), в том числе керамического. Функционирование же таких центров могло осуществляться лишь при активном участии всех племён и народов, по чьей территории проходил этот путь. Однако в рассматриваемое время Тимерево было и опорным пунктом для дальнейшего освоения финно-угорских территорий.

Появление гончарного круга в Ярославском Поволжье, как и во многих других регионах Древней Руси, является внезапным. Предкруговая керамика на памятниках практически не представлена, переходных форм нет. Наиболее ранние комплексы с круговой посудой датируются первой половиной X столетия.

В целом, керамическое производство региона IX—X ев. в некоторых своих частях продолжает традиции местных финно-угорских племён, обитавших в Поволжье к моменту появления пришлого, смешанного в этническом отношении, населения. В дальнейшем оно развивается в отношении форм, техники, ассортимента производимых изделий на базе достижений в этой области как местного, финно-угорского населения, так и пришлого славянского. Западно-финского и прикамского населения, вовлечённых в процесс освоения данной территории. В XI—XIII вв. керамическое производство совершенствуется в направлении развития представлений о глине и освоения гончарного круга для производства ремесленной продукции на заказ, что выражается в тенденции усложнения профилировки сосудов и большом разнообразии вариантов сосудов одного типа. При этом необходимо отметить наличие домашнего производства с изготовлением лепной

посуды. Ассортимент круговой посуды не велик, что может объясниться либо относительной неразвитостью ремесла, либо местной особенностью. В дальнейшем в результате накапливаемого и реализуемого опыта гончаров происходит смена уровней представлений о глине (3-й уровень по А. А. Бобринскому), в результате чего изменяется технология изготовления теста и, как следствие этого изменяется форма в сторону её упрощения, стандартизации. Этого же требуют и социально-экономические причины - переход к ремесленному производству с рыночным сбытом продукции. Однако эти изменения происходят, главным образом, в XIV веке, и их рассмотрение выходит за рамки данной работы. В качестве перспектив исследования следует отметить необходимость детального исследования начинов изделий с помощью инженерных методов обработки керамики. Дальнейшие полевые исследования, в т.ч. известных в незначительном числе сопок и длинных курганов на территории Ярославского Поволжья, возможно, прояснит вклад носителей этих культур в процесс сложения древнерусского населения на территории региона в эпоху раннего средневековья. Появляющиеся новые материалы и методики позволят уточнить многое из того, что сейчас представляется малоизвестным или гипотетичным, углубить наши знания о керамическом производстве на территории Ярославского Поволжья в домонгольское время.

ЛИТЕРАТУРА

Белецкий С. В.. 1980. Культурная стратиграфия Пскова: Археологические данные к проблеме происхождения города //КСИА. Вып. 160.

Воронин Н. Н., 1936. Отчет о раскопках 1936 года в Суздале // Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. № 246.

Воронин Н. Н., 1941. Медвежий культ в верхнем Поволжье в XI веке // МИА. № 6.

Воронин Н. Н., 1949. Оборонительные сооружения Владимира XII века // МИА. № 11.

Воронин Н. Н., 1959. Из ранней истории Владимира и его округи // СА. № 4

Герд А. С., Лутовинова И. С., Михайлова Л. П., Рождественская Т. В. 1985. Этническая история Русского Севера в трудах языковедов и некоторые вопросы теории этногенеза // СЭ. № 6.

Генинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964. Ранние болгары на Волге. М.

Голубева Л. А., 1969. Белоозеро и волжские болгары // МИА. № 169.

Голубева Л. А., 1973. Весь и славяне на Белом озере X-XIII вв. М.

Голубева Л. А., 1981. Конные подвески в курганах Северо-Восточной Руси VIII - XI вв. // СА. № 4.

Горюнова Е. И., 1954. Мерянский могильник на Рыбинском море // КСИИМК. Вып. 54.

Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94.

Горюнова Е. И., 1965. К истории городов Северо-Восточной Руси // КСИИМК. Вып. 59.

Давидан О. И., Мачинская А. Д., Мачинский Д. А., 1985. О роли балтов в формировании культуры Северной Руси VIII-X вв.: (по данным летописей и археологии)//Проблемы этнической истории балтов. Рига.

Дубов И. В., 1982. Северо-восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л.

Дубов И. В., 1984. Глиняные лапы в погребальном обряде курганов Аландских островов и Волго-Окского междуречья // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л.

Дубов В. И., Седых В. Н., 1984. К вопросу о хронологии и назначении глиняных дисков // Археологическое исследование Новгородской земли. Л.

Дубов В. И., 1985. Сельское население Северо-Восточной Руси в IX-XII вв. // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.

Дубов В. И., Седых В. Н., 1992. Новые исследования Тимеревского могильника // Древности славян и финно-угров. Доклады советско-финляндского симпозиума по вопросам археологии. 16-22 мая 1986 г. СПб.

Исланова И. В., 1982. Селище Шурскол II близ Ростова Великого // СА. № 2.

Каменецкая Е. Е., 1977а. Керамика IX-XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М.

Каменецкая Е. Е., 1977б. О верхней дате Гнёздовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Проблемы истории СССР. Вып. VI. М.

Кочкина А. Ф., 1986. Гончарная посуда // Посуда Биляра. Казань.

Лебедев Г. С., 1975. Путь из варяг в греки // Вестник Ленинградского университета. Сер. Истории, языка, литературы. № 20. Вып. 4.

Левашова В. П., 1959. Изделия из дерева, луба и бересты // Очерки по истории русской деревни X-XIII вв.// Труды ГИМ. Вып. 33.

Леонтьев А. Е., Рябинин Е. А., 1980. Этапы и формы ассимиляции летописной мери (постановка вопроса) // СА. №2.

Макаров Н. А., 1983. Чашевидные сосуды средневековых памятников Волго-Шекснинского района // КСИА. Вып. 175.

Макаров Н. А., 1984. Рец.: Kivikoski E. Langangsbacken. Ett gravfalt fran yngre jamaldern pa Aland // SMJA. № 80. Helsingfors. 1980. S. 1-57 // СА. № 1.

Макаров Н. А., 1986. Новые находки скандинавских вещей в Белозерской округе // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тезисы докладов. М.

Малевская М. В., 1971. К вопросу о локальных вариантах керамики западнорусских земель XII-XIII вв. // КСИА. Вып. 125.

Мальм В. А., 1960. Курганный могильник близ Грехова ручья // Труды ГИМ. Вып. 37.

Мальм В. А., 1963. Культовая и бытовая посуда из ярославских могильников // Ярославское Поволжье X-XI вв. М.

Мачинский Д. А., Мачинская А. Д., 1988. Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // Культура Русского Севера. Л.

Недошивина Н. Г., Фехнер М. В., 1985. Погребальный обряд Тимеревского могильника // СА. Ха 2.

Никольская Т. Н., 1949. Хронологическая классификация верхневолжских курганов // КСИИМК. Вып. 30.

Носов Е. Н., 1975. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII-X вв. //

Вспомогательные исторические дисциплины. Л. Вып. VIII.

Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.

Розенфельдт И. Г., 1974. Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. М.

Розенфельдт И. Г., 1980. Ещё раз о Березняковском городище//КСИА. Вып. 162.

Розенфельдт Р. Л., 1968. Московское керамическое производство XII-XVIII вв//САИ. Вып. Е1-39.

Рябинин Е. А., 1979. Владимирские курганы (опыт источниковедческого изучения материалов раскопок 1853 г. //СА.№1.

Рябинин Е. А.. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973-1975 гг.) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. Л.

Седов В. В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII-XV вв.) // МИА. № 92.

Седов В. В., 1966. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура Древней Руси. М.

Седов В. В., 1971. Исследования в Суздале // АО 1970 года.

Седова М. В., 1978. Ярополч Залесский. М.

Седова М. В., 1980. Раскопки в Суздале // АО 1979 года.

Седых В. Н., 1982а. Керамика Тимеревского поселения (предварительное сообщение) // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья. Л.

Седых В. Н., 1982б. Керамика Тимеревского поселения // Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья: Историко-археологические очерки. Л.

Седых В. Н., 1985. К характеристике лепной керамики Ярославского Поволжья // Материалы к этнической истории Европейского Северо-Востока. Сыктывкар.

Седых В. Н., 1988. Керамическое производство Ярославского Поволжья IX-XIII вв.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л.

Седых В. Н.. 1995. Изделия из глины на памятниках Ярославского Поволжья IX-XI вв. // Проблемы истории северо-запада Руси. (Славяно-русские древности. Вып. 3). СПб.

Седых В. Н., 1996. Большие курганы в культуре Древней Руси // Курган: историко-культурные исследования и реконструкции. Тезисы докладов тематической научной конференции. СПб.

Смирнова Г. П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода // МИА. № 55.

Смирнова Л. И., 1987. Лепная керамика Тимеревских курганов и проблема этнической атрибуции // СА. № 2.

Станкевич Я. В., 1941. К вопросу об этническом составе населения Ярославского Поволжья в IX-X ст. // МИА. № 6.

Станкевич Я. В., 1962. Шестовицкое поселение и могильник по материалам раскопок 1946 года// КСИИМК. Вып. 87.

Тихомиров И. А. Евчаковское курганное кладбище (Отчёт по раскопкам 1929 года) // Архив ИИМК РАН. 1929 г.Ф.2.Оп. 1.Д. 223.

Третьяков П. Н., 1970. У истоков древнерусской народности // МИА. № 179.

Уртан В. А., 1971. Скандинавский вопрос в свете раскопок Даугмальского городища // Тезисы докладов Пятой всесоюзной конференции по изучению скандинавских стран и Финляндии. М. Ч. 1.

Успенская А. В., Фехнер М. В., 1956. Указатель к карте «Поселения и курганные могильники северо-запада и северо-востока Руси X - XIII вв.» // Труды ГИМ. Вып. 32.

Фехнер М. В., 1957. Селища Ярославского Поволжья XI-XIII вв. // Краеведческие записки. Вып. 2. Ярославль.

Фехнер М. В., 1963а. Предметы языческого культа // Ярославское Поволжье X-XI вв.. М.

Фехнер М. В.. 1963б. Петровский могильник // Ярославское Поволжье X-XI вв.. М.

Фехнер М. В., НедошивинаН. Г., 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2.

Хлебникова Т. А., 1988. Неполивная керамика Болгара/ / Город Болгар. Очерки ремесленной деятельности. М.

Штакельберг Ю. И., 1962. Глиняные диски из Старой Ладоги // АСГЭ. № 4.

Якобсон А. Л., 1951. Средневековые амфоры Северного Причерноморья // СА. № 15.

Selling D., 1955. Wikingerzeitliche und Fruhmittclalterliche Keramik in Schweden. Stockholm.

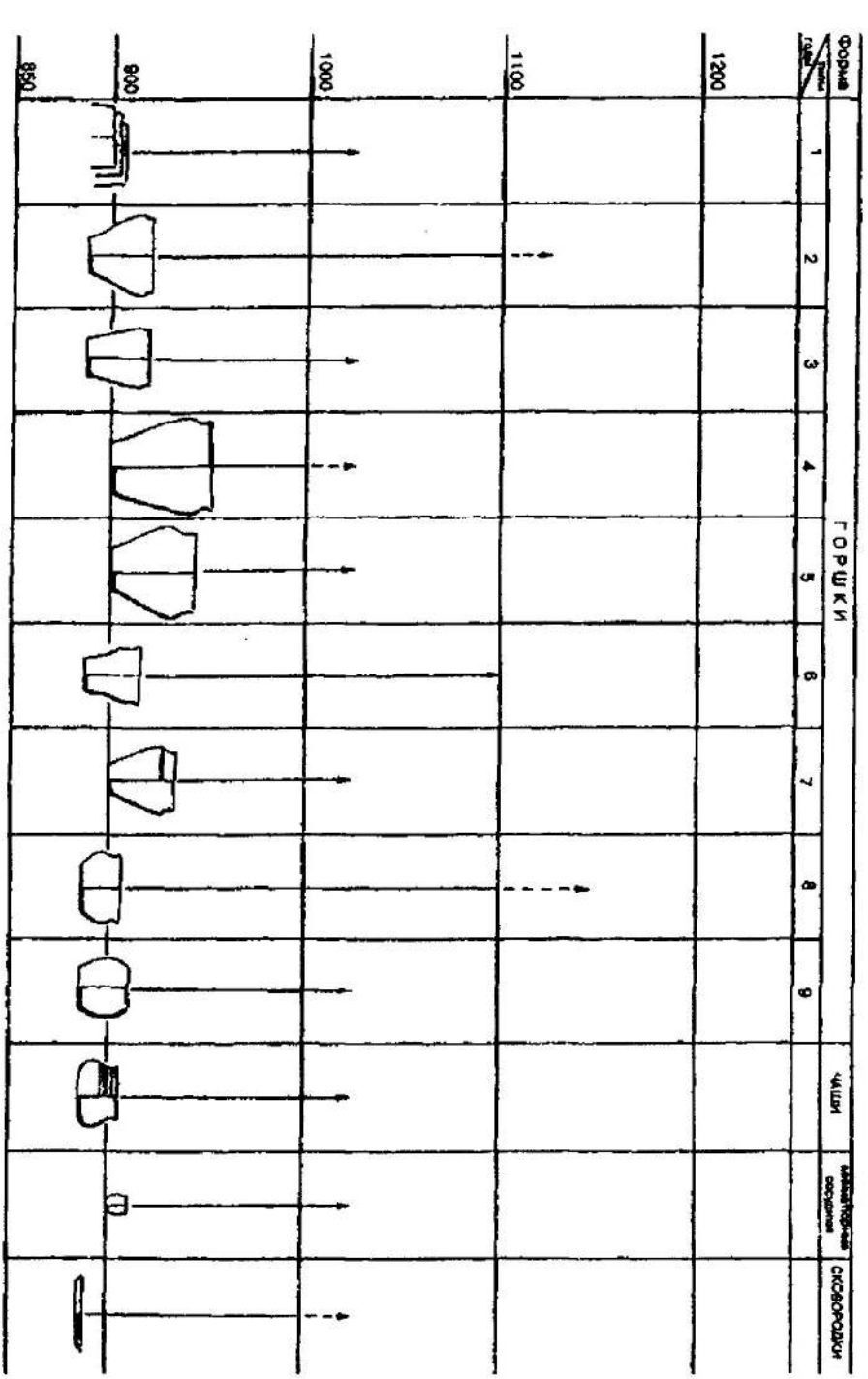

Рис. 1. Основные типы лепной посуды Ярославского Поволжья IX-XII вв.